

УДК 008:001

Культурология

Предметом исследования в данной работе является культура Ренессанса как определенная совокупность стратегий удовольствия. Под таким углом зрения данная культура еще не рассматривалась. Задача, которую автор ставит перед собой, – найти специфически ренессансные объекты и практики удовольствия. Анализу подвергается и ренессансный тип гедонизма. Автор приходит к выводу, что гедонизм не определяет возрожденческую культуру в ее целостности, а является одной из тенденций.

Ключевые слова и фразы: удовольствие; наслаждение; гедонизм; стратегии; ренессансные удовольствия; аскетизм; эпикуреизм.

Гусакова Тамара Федоровна, к. филос. н., доцент
Тюменский государственный университет
t_gus@mail.ru

КУЛЬТУРА РЕНЕССАНСА: ОТ АСКЕЗЫ К ПРИНЦИПУ УДОВОЛЬСТВИЯ©

Культуру Ренессанса принято характеризовать как триумф мирских чувств, всплеск гедонизма и наслаждения жизнью. П. М. Бицилли, развивая идею французского историка Ж. Мишле о Ренессансе как времени открытия мира и человека, отмечал: «И ничего, конечно, общего “открытие мира и человека” не имело с вульгарным гедонизмом, с каким-либо “утверждением” своего “права” на жуирование, на пользование без укоров совести “благами” жизни. Наслаждение “миром” было совершенно бескорыстно. Это было незаинтересованное восхищение художника внезапно открывшимся ему материалом для воплощения своей “идеи”, самого себя» [1, с. 180]. В отношении художника – главного символа эпохи Ренессанса – замечание историка и философа культуры П. М. Бицилли, безусловно, справедливо. Но фигурой художника и его незаинтересованным восхищением не исчерпывается весь реестр наслаждений миром в эту беспокойную эпоху. Действительно, идеальный тип личности эпохи Возрождения – универсальная личность, деятель, мастер, *virtuoso*, а преобладающий тип наслаждения – эстетическое. Исключительно важное место в культуре Возрождения обрело искусство, и специфика возрожденческого гедонизма состоит, прежде всего, в том, что это гедонизм с эстетической акцентуацией. Гедонизм, который содержал в себе возможность подлинной сублимации (возвышения) в творчество, в самосовершенствование. Но, с другой стороны, – и в этом противоречивость возрожденческого гедонизма, – он заключал себе возможность скатывания в праксис вседозволенности – разгул страстей, своеволия и распушенности (то, что А. Ф. Лосев назовет обратной стороной возрожденческого титанизма). Дьявольское удовольствие и наслаждение злом как таковым ассоциируется с такими жестокими фигурами того времени, как Цезарь Борджиа, Сигизмунд Малатеста. Последний парадоксальным образом сочетал в себе гуманистическую образованность, любовь к наукам и искусствам с жестокостью и развратом. Гротескная форма гуманистического гедонизма – образ Телемского аббатства, устав которого состоял только из одного правила: «Делай, что хочешь» в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Франсуа Рабле [10, с. 112].

Гедонизм, утверждавший самоценность личности, стал предтечей гуманистического мироощущения. Доктрина мироотрицания квалифицируется как губительная. М. Монтень назовет презрение к жизни «нелепым чувством» [7, с. 30]. Человек Ренессанса мог открыто, не стыдясь, выражать свои желания и добиваться их удовлетворения, получая наслаждение. Отсюда громадная роль в возрожденческой ментальности понятий *удовольствие* и *наслаждение*.

Лоренцо Валла возводит удовольствие в общечеловеческий первопринцип, неоплатоник Марсилио Фичино – в космический принцип. Удовольствие рассматривалось не только как теоретический этический принцип, но и практически-поведенческий. Так, гедонизм стал образом жизни неоплатоников Флорентийской академии. Флорентийские неоплатоники – братство людей, объединившихся на основе общих занятий. Неоплатоникам жилось привольно и беззаботно: время проходило в непринужденных беседах о высшем благе и всегда в приятной обстановке – возле фонтана, в саду из роз или на праздничном пиру.

Задавшись целью найти специфически ренессансные объекты и стратегии удовольствия, необходимо, прежде всего, выявить те идентификационные практики ренессансной культуры, в рамках которых и формировались данные стратегии. Общеизвестно, что культурная идентичность – это установление духовной взаимосвязи между собой и группой, переживание чувства принадлежности; идентичность – это объединение с одними и дистанцирование от других. Идентификация способствует нахождению общего в межличностном общении, носителям определенной идентичности присущ и соответствующий круг предпочтений. На основе чего же формировалась культурная идентичность деятелей ренессансной культуры?

Прежде всего, это изучение и преподавание *studia humanitatis* – новой системы знания, в центре которой стояла проблема человека. Гуманистов объединяла общая увлеченность античной духовной культурой, изучение древних языков, причем они в полной мере осознавали новизну своих эрудитских интересов и занятий, отличавших их от многих современников. Следует отметить то наслаждение и упоение, которым сопровождалось освоение гуманистами античного наследия. Чувство упоения не возникает без полной концентрации

на деятельности и приложения огромных усилий. Этим наслаждение отличается от удовольствия, которое можно испытывать без приложения каких-либо усилий, поэтому оно не ведет к росту и развитию личности.

Все гуманисты – горячие почитатели и знатоки греко-римской классики, степень погруженности в которую была такова, что античный мир казался им «обжитым» и своим, а мыслители древности – собеседниками. Примечательно, что Петрарка пишет письма Вергилию, Цицерону и другим знаменитым римлянам. А в письме монаху Франциску Петрарка признается, что «любил Цицерона и Вергилия, любил, бесконечно наслаждался их стилем и талантом, <...> словно первый был мне отец, второй – брат» [9, с. 213]. Учасье у древних авторов искусству слова, Петрарка и сам становится взыскательным стилистом, находившим удовольствие в «оттачивании слова». В рамках этой идентификационной практики (филологических штудий) формируется *стратегия удовольствия от слова, от текста* (задолго до Р. Барта).

Гуманистами раскрывается коммуникативная природа феномена удовольствия, обусловленная его укорененностью в структурах общения, взаимодействия со значимым Другим. В письме своему другу Сократу Петрарка признается: «как мне приятна была эта беседа с тобой, с удовольствием и чуть ли не умышленно затянутая мною!» [Там же, с. 56]. Выработывалась и специфическая эстетика письма, призванного выразить всю остроту личных переживаний автора.

Тема искусства беседы и удовольствия, с ним связанного – одна из главных для М. Монтеня. Беседу автор «Опытов» называет «самым плодотворным и естественным упражнением нашего ума» [8, с. 132]. Монтеня привлекает беседа, приправленная «краткими остроумными замечаниями, которые сами собою рождаются в веселом и тесном кругу друзей, с полным и взаимным удовольствием перебрасывающихся живыми и забавными шутками» [Там же, с. 147].

Другая стратегия удовольствия, выработанная культурой Ренессанса, – *удовольствие от славы*. Дж. Боккаччо в своей книге «Жизнь Данте» без тени осуждения и неодобрения отмечал, что Данте «страстно жаждал восхвалений и пышных почестей» [2, с. 349]. «Думаю, – пишет Боккаччо, – как раз из-за славолубия и предпочитал Данте занятие поэзией все другим занятиям, ибо понимал, что хотя нет науки благороднее философии, превосходные ее истины доступны лишь немногим... тогда как поэзию понимают и ценят все» [Там же]. Данте надеялся заслужить лавровый венок – «почест редчайшую», по словам Боккаччо, и увенчаться лаврами он хотел бы непременно во Флоренции, под сводами крещальни Сан Джованни. Петрарке, первому гуманисту, также не было чуждо стремление к земной славе, и одним из самых ярких событий в своей жизни он считал венчания его лавровым венком в Риме на Капитолии. Источником славы, материальных благ для Леона Баттиста Альберти выступает труд (и прежде всего – труд архитектора).

Удовольствие от открытия – значимая ренессансная стратегия. И здесь речь идет не только об астрономических и географических открытиях, радикально изменивших представление европейцев о мире. Прежде всего, это открытие античной мудрости, богатство которой гуманисты надеялись примирить с христианской моралью и воплотить в новых жизненных обстоятельствах. Далее, открытие природы и поиск совершенных форм в самой природе. И наконец, открытие самого человека, его индивидуальности и уникальности.

Наслаждение стало предметом рефлексии у Козимо Раймонди, Лоренцо Валлы, Мишеля Монтеня, Томмазо Кампанеллы. Раймонди выступил с апологией философии наслаждения Эпикура, которому никогда не везло в смысле его адекватного понимания: утонченную философию Эпикура пытались представить в карикатурном, вульгаризированном виде. Любопытно, что внимание Раймонди привлекла идея кайроса (благоприятного момента) наслаждения – «следовать подобающим наслаждениям и в подобающее время» [11, с. 73]. В греческой классической мысли тема кайроса удовольствия настойчиво акцентируется, по крайней мере, в традиции, идущей от Сократа.

Эпикурейское течение Ренессанса, представители которого встали на защиту подлинного духа этического учения Эпикура, особый феномен ренессансной культуры. В трактате Лоренцо Валлы «Об истинном и ложном благе» (в первой редакции – «О наслаждении») определяется новый этический принцип деятельности людей, соответствующий гуманистическому пониманию человека и его земной жизни, – принцип наслаждения. Наслаждение рассматривается итальянским гуманистом как высшее благо, как охранительное начало всей жизни и основополагающий оценочный критерий. Пафос трактата Валлы в ниспровержении принципов аскетической морали и обосновании нового понимания человеческой природы. «Итак, наслаждение есть благо, которое ищут повсюду (и) которое заключается в удовольствии души и тела...» [3, с. 94]. Вразрез с христианской доктриной иерархичной устроенности человеческой природы, Валла провозглашает равноправие телесного и духовного начал. Природа позаботилась о том, чтобы наделить человека чувствами, способными воспринимать красоту вещей и испытывать при этом наслаждения. Равно как и духовная часть человеческой природы имеет возможность испытывать удовольствие от моральных благ и познавательной способности разума. Гуманист пытается согласовать между собой эпикурейскую этику и христианский взгляд на мир, утверждая, что наслаждения бывают двух видов: одно на земле, другое на небесах. В основе «этики Валлы лежит не отказ от наслаждений земной жизни как непременное условие и залог небесного блаженства, а следование единому принципу наслаждения на небе и на земле» [4, с. 45]. Взгляды Валлы – своеобразная гуманистическая модернизированная им версия христианства, соединенного с эпикуреизмом. Э. Кассирер считает, что та обновленная версия гедонизма, которую мы находим у Валлы, «не враждебна вере, она, скорее, хочет заручиться покровительством самой веры» [6, с. 91].

Любопытно, что подобную эпикуреизацию христианства проводил и Э. Роттердамский, знакомый с идеями Валлы. Парадоксальными кажутся следующие суждения Эразма: «нет больших эпикурейцев, чем благочестивые христиане» [13, с. 619]. Христос в интерпретации Эразма «показывает нам жизнь самую приятную из всех возможных и до краев наполненную истинным удовольствием...» [Там же, с. 633].

У Э. Роттердамского есть удивительное письмо, в котором он раскрывает феномен обаяния Томаса Мора. Гуманист описывает повседневную жизнь Мора, его предпочтения и наслаждения. Находясь с людьми образованными и рассудительными, Мор наслаждается умом, а в обществе неучей и глупцов – глупостью. «Особое удовольствие для него – наблюдать за повадками, гримасами, настроением животных» [12, с. 434]. Необычайное удовольствие Мор доставлял всем (и получал сам) от умения говорить экспромтом.

Труд М. Монтеня «Опыты» пронизывает мысль, что человек должен не умерщвлять свои земные потребности, как этому учит церковь, а удовлетворять их соответственно своей природе. Природа устроила так, чтобы действия, которые она предписала нам для нашей пользы, доставляли нам также и удовольствие; и неправильно было бы искажать ее закон. Защищая стремление индивида к удовольствиям и его право наслаждаться благами природы, Монтень в своей концепции контролирующую роль отводит разуму человека: «Я не хочу, чтобы дух был пригвожден к наслаждению, чтобы он барахтался в нем, я хочу, чтобы и там он бдил, чтобы на пирах жизни он был в сидячем, а не в лежачем положении» [8, с. 303]. Здесь Монтень – продолжатель платоновской традиции «самократического» субъекта, господствующего над своими желаниями и удовольствиями.

Монтень акцентирует внимание на этнокультурной специфике наслаждения. Так, например, он говорит от лица всех французов: «Мы не любим пить вино со дна бочки. Для португальцев же винный осадок – наслаждение, царский напиток» [Там же, с. 279]. Или сравнивая манеры немцев и французов пить, Монтень отмечает, что немцы, например, почти с одинаковым удовольствием пьют всякое вино. Удовольствие немцев в том, чтобы вина было вволю, чтобы оно было доступным. Французская манера пить – значит прикладываться к бутылке дважды в день за едой, умеренно, опасаясь за здоровье.

Монтень кажется откровенным гедонистом, смело признающимся в том, что очень считается со своими желаниями и склонностями. Сладость удовольствия, по мнению французского философа, «надо познавать, смаковать, обдумывать, чтобы ощущение наше стало достойным того, что ее породило. Есть люди, которые и другими удовольствиями пользуются так же, как сном, – не осознавая их. Для того чтобы даже наслаждение сном не ускользало от меня столь нелепым образом, я в свое время любил, чтобы его иногда прерывали, – и это давало мне возможность оценить его. Я обсуждаю сам с собою каждое удовольствие, я не скольжу по его поверхности, а проникаю до самой сердцевины...» [Там же, с. 307]. Автор «Опытов» полагал, что пренебрегать всеми естественными наслаждениями так же неправильно, как и слишком страстно предаваться им. Монтень – умеренный гедонист.

Как представитель скептической мысли, Монтень приходит к выводу, что религия – «измышление людей» и критикует представление о том, что человек обязан умерщвлять свою плоть и, отказываясь от радостей земной жизни, сосредоточить помыслы на жизни вечной. Отделяя нравственность от религии, Монтень выдвигает мораль «естественную», диктуемую природой, вложившей в нас стремление к наслаждению и отвращение к страданию; он прямо заявляет, что в этике разделяет взгляды Эпикура. Отстаивая право человека на наслаждение, французский философ является противником бездумного следования любым, возникающим в нас импульсам: разум должен руководить нашими склонностями.

Необходимо отдать должное диалектическому мышлению Монтеня: он обращает внимание на тесную связь страдания и удовольствия, при которой они следуют друг за другом и порождают друг друга. Единство наслаждения и боли как противоположностей состоит, по Монтеню, еще и в том, у них сходные проявления, похожая симптоматика. Наслаждение в своей высшей стадии сопровождается стенаниями, истомой, спазмами, изнеможением.

Монтень полагает, что и в страдании есть нечто, чего не следует избегать, и в наслаждении, в его крайнем пределе, есть нечто, чего избежать можно. Страдание, полагает французский философ, тоже должно занимать свое место в жизни человека. Человек не всегда должен избегать боли и не всегда должен стремиться к наслаждению. Предупреждением современному обществу, широко практикующему анестезию, звучат слова Монтеня о том, что, уничтожая ощущение боли, одновременно уничтожают и ощущение наслаждения, и, в конечном счете, человек перестает быть человеком. Бесчувствие достигается немалой ценой, за счет очерствения души и оцепенения тела.

Рассуждения о сущности и природе наслаждения содержатся в работе Томмазо Кампанеллы «Поэтика», где он оспаривает аристотелевское определение наслаждения как некоего движения души и страсти, целиком направленное посредством органов чувств к следованию природе. Сам же Кампанелла определяет наслаждение как чувство самосохранения, а сохраняемся мы либо в самих себе, либо в потомстве, либо в славе, либо в Боге. Касаясь эстетического наслаждения, Кампанелла проницательно указывает, что наслаждение живописным произведением исходит от мастерства художника и не зависит от предмета изображения, «мы говорим, когда что-то хорошо написано: “О, как красиво!” – даже если изображено чудовище или рассеченный труп; если же написано немело, то, будь даже это изображение прекраснейшей нимфы, мы говорим: “О, как безобразно!”» [5, с. 176].

В качестве заключения отметим следующее. Культура эпохи Возрождения была рассмотрена как определенная совокупность следующих стратегий удовольствия: удовольствия от слова, удовольствия от общения, удовольствия от славы и удовольствия от открытий. Возрожденческий гедонизм противоречив и содержит в себе как возможность к сублимации, так и к девиации. Доминирующая его форма – эстетическая, чувственная. Гедонизм не определяет культуру Возрождения в ее целостности. Будучи переходной, эта культура представляла собой единство духовного и светского, аскетического и гедонистического. И хотя решительный поворот от аскетических идеалов средневековья к новой культуре, обращенной к проблемам человека и его земной жизни, наметился уже в творчестве великих поэтов – Данте Алигьери и Франческо Петрарки, сами они по сути своей и образу жизни – аскеты.

Список литературы

1. **Бицилли П. М.** Св. Франциск Ассизский и проблемы Ренессанса // Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. С. 171-200.
2. **Боккаччо Дж.** Фьямметта. Ворон. Жизнь Данте. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012. 381 с.
3. **Валла Л.** Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989. 474 с.
4. **Горфункель А. Х.** Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980. 368 с.
5. **Кампанелла Т.** Поэтика // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 2. С. 173-209.
6. **Кассирер Э.** Избранное: индивид и космос. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с.
7. **Монтень М.** Опыты: в 3-х кн. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Кн. 2. Литературные памятники. 652 с.
8. **Монтень М.** Опыты: в 3-х кн. М.: Наука, 1981. Кн. 3. 534 с.
9. **Петрарка Ф.** Книга писем о делах повседневных // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. С. 47-233.
10. **Рабле Ф.** Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1981. 560 с.
11. **Раймонди К.** Речь в защиту Эпикура против стоиков, академиков и перипатетиков // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 69-75.
12. **Роттердамский Э.** Письмо Ульриху фон Гуттену о Томасе Море // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 429-437.
13. **Роттердамский Э.** Разговоры запросто. М.: Художественная литература, 1969. 674 с.

THE RENAISSANCE CULTURE: FROM ASCESIS TO PLEASURE PRINCIPLE

Gusakova Tamara Fedorovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tyumen State University
t_gus@mail.ru

The object of the study in this paper is the culture of the Renaissance as the distinct totality of pleasure strategies. This culture has not yet been considered from such perspective. The author sets a task to find the specific Renaissance objects and practices of pleasure. The Renaissance style of hedonism is analyzed. The researcher concludes that hedonism does not define the Renaissance culture in its entirety, and is one of the trends.

Key words and phrases: pleasure; delight; hedonism; strategies; the Renaissance pleasure; asceticism; Epicureanism.

УДК 111.1

Философские науки

В статье ставится задача показать, что уже мыслители Древнего Востока в своих трудах обращаются к военно-философской проблематике, исследуя сущность войны и ее особенности, осмысливая причины ее возникновения и предотвращения, классифицируя войны и показывая взаимосвязь войны и политики. Автор акцентирует внимание на внутренней противоречивости войны и ее последствиях. Общим итогом статьи является обоснование тезиса, что войну следует рассматривать как наихудшее преступление против человечества.

Ключевые слова и фразы: война; захватническая война; политика; социальный конфликт; неоправданная жестокость; классификация войн; преступление; агрессия.

Гуторович Ольга Викторовна, к. филос. н.
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
olwikgut@yandex.ru

ВОЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО КИТАЯ©

Начало человеческой цивилизации положили страны Древнего Востока, для которых характерен не только прогресс культуры, производства, но и наличие социальных антагонизмов, классовый борьбы, войн между государствами. Не случайно у народов древнего Востока (Египет, Индия, Китай) появляются представления о «золотом веке», мечты о мире без войн и кровопролития, о дружбе и сотрудничестве народов. Но поскольку войны были жестокой реальностью, древние мыслители пытались проникнуть в их сущность, понять причины, классифицировать, определить роль войны в жизни общества, в развитии социальных конфликтов.

Первые, еще робкие попытки раскрыть причины войн мы находим в высказываниях египетских жрецов – лиц, занимавшихся отправлением культов в архаических религиях. Египетские жрецы считали войны необходимым средством покорения соседних народов с целью расширения владений богов-покровителей Египта. Однако точка зрения жрецов разделялась далеко не всеми. Были мыслители, которые решительно выступали против войн, проводившихся для разрешения социальных проблем, они не считали за высокую честь быть в составе захватнических армий фараона. Из этого делался вывод: простые люди ничего хорошего не могут получить от войн царей, поэтому если фараоны хотят воевать, пусть воюют сами.